УДК 398.2 (470.65)

ТЕМА ОХОТЫ В НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ОСЕТИН

Сокаева Д.В.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия–Алания», Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru

В статье рассматриваются два текста несказочной прозы осетин на тему охоты. Первый текст является дореволюционной публикацией и представляет собой контаминацию мотивов осетинской охотничьей мифологии с персонажем из пантеона покровителей осетинской традиционной религии Авсати. Кроме Авсати в этом тексте фигурирует женский мифологический персонаж, покровительница лесов Кади-ус-баратчи, на данный момент она не вспоминается рассказчиками. Второй текст записан недавно, и в нем тоже фигурируют три мифологических персонажа: Авсати, покровитель лесов мужского рода, покровительница охоты женского рода. Для сравнения мы в сокращении приводим три текста осетинских волшебных сказок на сюжет *449A ATU «Царская собака». Отдельно нами выделяется образ Авсати и подчеркивается его актуальность в сознании рассказчиков до сих пор. Второй текст несказочной прозы демонстрирует также доверие рассказчика к сну, как к источнику правдивой информации, и особенности его (конкретного сна) толкования.

Ключевые слова: осетинский фольклор (ОФ), охотничья мифология, покровитель охоты, устный рассказ, волшебная сказка

HUNTING SUBJECT IN NOT FANTASTIC PROSE OF THE OSSETIAN

Sokaeva D.V.

North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by V.I. Abaev, Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru

Two texts of not fantastic prose of the Ossetian about hunting are considered in this article. The first text is the pre-revolutionary publication and represents the kontamination of motives of the Ossetian hunting mythology with the character from a pantheon of patrons of the Ossetian traditional religion Avsati. Except Avsati the female mythological character, the patroness of the woods of the Qadi-us-baratchi appears in this text, at present she isn't remembered by story-tellers. The second text is written down recently and three mythological characters appear in it: Avsati, patron of the woods of a masculine gender, patroness of hunting of a feminine gender. For comparison we provide three texts of the Ossetian magic fairy tales in reduction on a plot *449A ATU «An imperial dog». Separately we allocate an image of Avsati and his relevance in consciousness of story-tellers still is emphasized. The second text of not fantastic prose shows also trust of the story-teller to a dream, as to a source of truthful information and its (a concrete dream) features of interpretation.

Keywords: Ossetian folklore (OF), hunting mythology, patron of hunting, oral story, magic fairy tale

Охотничья мифология занимает особое стадиальное место в мифологии любого народа, занимавшегося этим способом добычи пищи и материалов [1]. Осетины также имеют богатую охотничью мифологию. Тема охоты реализуется и в осетинских волшебных сказках, в частности в сюжете *449A [7]. Краткое содержание указанного сюжета таково: «Царская собака: неверная жена обращает мужа в собаку; он живет у пастухов, спасает царских детей, возвращается с наградой к жене; жена превращает его в воробья; с помощью колдуна (колдуньи) муж освобождается от чар и превращает жену в лошадь» [5]. Приводим также краткие описания трех вариантов сюжета «Царская собака» осетинской сказочной традиции:

«Охотник Ахмет».

1. Живет охотник. Каждый день охотится и этим кормит свою семью.

2. Как-то раз в черном лесу убивает ветвисторогого оленя, разделывает, делает шашлык и только начинает есть, как туша оленя падает с дерева, оживает, и шашлык исчезает. Охотник остолбеневает от удивления, на что олень ему говорит, что это еще не чудо, мол, настоящее чудо − охотник Ахмет.

3. Охотник делает себе длинную палку и отправляется на поиски охотника Ахмета. Находит его, и он рассказывает ему о своих приключениях: как-то раз он возвращается с охоты и застает свою жену с уаигом (великаном). Уаиг войлочной плетью превращает его в гуся, затем жена войлочной плетью превращает его в собаку.

4. Вылечивает дочь алдара (князя), оказывается, кулбадаг ус (колдунья) приходила к ней и пила ее кровь. Дочь алдара моется в блевотине кулбадаг ус и становится в семь раз лучше. Затем жена войлочной плетью превращает охотника Ахмета в мышь.

5. Бродит, встречает кулбадаг ус, ту, которая пила кровь дочери алдара. Она ударяет по охотнику Ахмету войлочной плетью, и он превращается в человека.

6. Ахмет возвращается домой с войлочной плетью кулбадаг ус, превращает жену и уаига с ее помощью в осла и ослицу. (НА СОИГСИ. Д.4. П.65. Л.45–46 (об.),

19.01.1881 г. исп. Абаев М.М. (с. Сба, Южная Осетия), зап. Амбалов Ц., ир.д.) [3].

«Охотник Хасан».

1. Герой на охоте убивает оленя, разделывает тушу. Олень оживает и указывает герою на еще более чудесного охотника – Хасана.

2. Герой ищет охотника Хасана, находит. Хасан рассказывает ему свою историю, дает герою деньги, на этом они расстаются (НА СОИГСИ. Д.12. П.68. Л.153–159, исп. Быдтаев Ф., в 1928–1929 гг. в с. Горный Даргавс, зап. Сеоев С.М., ир.д.) [3].

«Сказка о старом охотнике и Цопане».

1. Живет хороший охотник, каждый день приносит в дом дичь.

2. Как-то раз он ничего не добыл, наступил вечер, и он заночевал в известной ему пещере. На следующий день попадает в место, откуда не может выбраться. Тем временем появляется лань на гребне скалы. Охотник стреляет, убивает лань, и она скатывается в низину ущелья.

3. Охотник отправляется на ее поиски. Находит добычу, взваливает на плечи и несет домой. Опять вечереет, он готовит себе ночлег, разводит костер, разделывает тушу лани и идет к ручью выпить воды. Тем временем лань вскакивает и убегает.

4. Охотник, увидев убегающую лань, восклицает, что такого чуда он еще не видел. Лань оборачивается и говорит ему, что много чудес связано с ингушским Цопаном, мол, отправляйся к нему и узнай, что это за чудеса.

5. Вернувшись домой, охотник рассказывает про чудо, но ему не верят. Он отправляется узнать о чудесах, связанных с ингушским Цопаном. Гость заставляет Цопана рассказать о его чудесах.

6. Цопан рассказывает гостю о череде своих превращений (Исп. Бегизов Л., 22.04.1928 г., зап. в с. Едыс, ир.д.) [2; 6].

Перед тем как обратиться к собственно современным устным рассказам, обозначим особенности иконографии образа покровителя охоты и диких животных осетинского традиционного пантеона Авсати. При рассмотрении образа Авсати в данной статье мы одной из дореволюционных публикаций.

Текст № 1.

«Когда-то, давным-давно, в ауле Ханиц у жителя по имени Хуцинай родился сын, названный Хабиц. Когда подоспела летняя рабочая пора, малютка мог уже сидеть без помощи, поэтому отец и мать, отправляясь в поле, брали его с собою и усаживали недалеко от того места, где работали. Однажды, когда родители оставили ребенка одного, к нему подползла змея. Мальчик схватил ее и начал есть, съев половину, малютка расплакался. Мать прибежала на его крик и, видя его с окровавленным ртом и с половиною змеи в руках, в ужасе закричала, отец и другие люди, работавшие вблизи, тоже оробели и не знали, что делать. Подошел старик-знахарь, смело взял из рук ребенка остаток змеи и, бросив его далеко в сторону, сказал: «Не бойтесь, Хабиц сделается бесстрашным и знаменитым охотником». И действительно, предсказание сбылось. Хабиц быстро вырос и пристрастился к охоте. Знаменитым же он сделался следующим образом. Однажды он охотился и, утомленный, решился переночевать в лесу, под огромной ветвистой чинарой. В полночь его разбудил громовой голос, и он услышал слова: «Авсати приглашает к себе в гости Кади-ус-баратчи (богиня лесов – так в тексте (Д.С.)). Из чинары, под которой спал Хабиц, раздался ответ: «Кади-ус-баратчи не может принять предложения, потому что сама приняла на ночлег гостя». Тогда Авсати пригласил богиню вместе с ее гостем, и Хабиц увидел женщину огромного роста, которая ласково сказала ему: «Любезный гость, пойдем со мною, нас приглашает к себе на пир Авсати». Дорогою Кади-ус-баратчи дала Хабицу такое наставление: «Если Авсати будет приглашать тебя сесть, ты не садись, тогда он, чтобы посадить тебя, предложит тебе такую силу, при которой ты мог бы убивать всякого рода животных одного года; но ты на это не соглашайся, а проси у его дать тебе силу убивать зверей всякого возраста и всякой породы». Пришли к Авсати, и Хабиц до тех пор не садился, пока не получил силу убивать какого хочет зверя. Сели за стол, подали жареного оленя, разобранного по суставам. Авсати просил складывать кости на стол. Хабиц, желая узнать, для чего нужны богу эти кости, ловко спрятал одно ребро. Когда встали из-за стола, Авсати сложил из костей скелет оленя, вставив вместо недостававшего ребра другое, из дерева, потом ударил по скелету палочкою; скелет вдруг превратился в живого оленя и убежал в лес. Гости поблагодарили хозяина за гостеприимство и ушли домой. После этого Хабиц отправился на охоту, чтобы испытать свою силу, и пожелал убить того самого оленя, которому Авсати вставил деревянное ребро. Вдруг мимо пробежал олень, Хабиц за ним пустил стрелу, убил его и, разрезав, нашел в нем деревянное ребро. С этого-то времени и сделался Хабиц необыкновенным охотником. Силу свою он употреблял всегда на добрые дела: так, во время голода, он целый год кормил жителей аула Валакома (Уаллаг ком – сост. Л.Ч.) мясом зверей. Отправляясь раз на охоту, Хабиц взял с собою мальчика. Вечером, обремененный добычею, усталый, он остался ночевать в лесу, развел огонь

и стал жарить дикого кабана. В это время подошло к огню какое-то высокое, волосатое животное, зверь не зверь, человек не человек. Всмотревшись хорошенько, Хабиц узнал в нем Лаг-сирда (дословно: человек-зверь). Этот человек-зверь протянул свои длинные руки по направлению к мальчику, Хабиц, полагая, что он просит поесть, подал ему кусок жареного кабана. Лаг-сирд не принял подачки и опять протянул руки, тогда Хабиц поднес ему целого кабана. Лаг-сирд показал большие свои зубы и ушел в лес. Хабиц, зная привычки лаг-сирда, догадался, что он желает полакомиться мясом мальчика. Он взял обрубок дерева и положил его недалеко от огня, покрыв его своею буркою (верхняя одежда горца), а сам с мальчиком спрятался за ближайшим деревом, приготовив лук и стрелу. Лаг-сирд возвратился, уже с топором, висевшим у него на шее, и, полагая, что под буркою спит Хабиц с мальчиком, ударом топора перерубил бурку и обрубок. Хабиц пустил в него стрелу и попал прямо в грудь. Лаг-сирд страшно заревел и бросился бежать. Хабиц, подождав до утра, отправился по кровавому следу за Лаг-сирдом. След привел к пещере, у входа сидела красивая молодая женщина. На вопрос Хабица, кто она, женщина отвечала, что она дочь кабардинского князя и, во время прогулки была похищена Лаг-сирдом, который, упрятав ее в эту пещеру, сделался ее мужем и прижил с нею двух детей, мальчика и девочку; мальчик весь волосатый и похож на отца, а девочка– на нее; потом она рассказала, что лаг-сирд кормил их человеческим мясом, но вчера прибежал раненый и теперь умирает. Выслушав женщину, Хабиц зашел в пещеру и зарезал Лаг-сирда с сыном, а девочку с матерью взял с собою и потом отвез их в Кабарду, к родственникам, за что получил богатые подарки (Газ. «Терские ведомости», 1870, № 49) [4].

Мы сознательно привели текст из дореволюционной публикации (текст № 1), чтобы иметь возможность сравнить его с текстом современной осетинской несказочной прозы (текст № 2). Результат сравнения: фигурирование в обоих текстах мужского и женского персонажей. В тесте № 1: Авсати, покровительница лесов Кади-ус-баратчи. В тексте № 2: Авсати (имя его табуируется), покровительница охоты, показанная во сне в виде знакомой женщины Даны. Контаминированный характер текста № 1 позволяет выявить без труда некоторые особенности (иконографию) образа Авсати:

1. Авсати может открыто общаться со знаменитыми охотниками.

2. Авсати общается с покровительницей лесов Кади-ус-баратчи.

3. С Авсати связано популярное предание о чудесном олене с деревянным ребром.

Текст № 2. Сон.

«Спящий его видит, спящий. Спящий его видит. Вот с ее мужа братом (имеется в виду брат хозяина дома Кибизовых, в котором велась запись) мы пришли с прополки, и он мне (говорит), возьми меня куда-нибудь (на охоту) с собой. Царство небесное Тата, там, где он есть, мы в месте Камата поднялись наверх на осле, да будет благодатен этот стол, и ночью (заснули), было место на двоих человек и легли. Тем временем во сне я его (Авсати) увидел, в этой пещере что-то <…> прошло на ногах. И там, в своем сне я увидел, что олень бежит в лес Кабарды <…>. Он тащит тура<…>, я в него один раз выстрелил, так за мной раздался голос: «Что вы делаете?», по-русски. Аллах, говорю, лесник меня поймал, сам поворачиваюсь, и – старик, и я ему говорю, как будто день был, и, мол, вот, сухостой рубим. «Рубите, рубите, сухостой можно». (Я) с радостью встал и ушел. Мой сон сбывается, иногда сбывается и моя молитва, и сон сбывается. И не всегда, но когда бываю на охоте, меня просят произнести молитву: «Помолись для нас». Отправился кто-то, и наверху солнце, сильное солнце, а внизу – моросит, а в ущелье – туман, и наверху туры <…> собрались, и солнце же пекло, и свежие следы и исчезли. Они сидят на леднике, и наступает туман, наступает, а на леднике – песок, и туда я пошел, и один тур, он не был большим <…>. Я прилег, направил свое ружье, и вот я в него выстрелю, <…> так он больше не высветился, не высветился, смотрел в мою сторону, смотря, спокойно стоял, больше не высветился. После этого прошло около часа, и я так стоял, и больше никого на камне. И все равно, куда ведет след: чтобы отправиться за ним, и я подошел к его следам. До этого раньше осенью были с родственником на охоте, и я стрелял, стрелял в угол, и он падал, больше никого я не видел, чтобы падал, а их видел, как они перешли на другую сторону, два быка, этот тур, наш тур, который упал, его вытащили, их освежевали, рога (потом подарил). Вот это тебе сухостой. Видишь, к чему вышел сон. И опять в этой пещере спали с Кудзоевым Боркой, у него мать тоже племянница Цопановых, вот спроси у него, правду я говорю или неправду, и вот с ним шли, у нас было два убитых зверя <…>. И ночью спим там, и я проснулся, ночью, вот наш односельчанин, Дзусов Валодя, тогда он еще жив был, и мать его была еще жива, Дана, хорошая женщина была, крупноватая женщина, и в этой пещере, в пещере, в которой мне приснился сон, там легли, она мне так,

вставайте, вам пора, мол, в горы подниматься. Друг говорит, мол, еще немного поспим. Но что это нам даст, мол, и поднялись в горы <…>, и в хорошее место зашли, я все это время раздумывал, к чему мне снился сон. И вдруг меня осенило, и я ему говорю, вот, мы сможем убить только одну большую козу, больше нет. У женщины (которая ему приснилась) муж давно умер, и теперь, и теперь (товарищ по охоте) смеется над этим, спроси его как-нибудь. Поднялись туда, в одном месте я повернулся, и – нет, а он, вон видишь тонкие скалы, вот туда поднимись, и осторожно сперва посмотри вокруг себя, сам себя неожиданно не обнаружь, зверь там будет, я повернулся в эту сторону, затем вышел, (товарищ по охоте) пригнулся и машет мне рукой, и я добрался (до него) и, мол, он (зверь) остался прямо за нами. Я медленно поднимаю голову и, действительно, как я узнал (это), это – чудо: полно зверя, и я его (товарища по охоте) спрашиваю, которого ты хочешь убить, и на расстоянии пятнадцати метров (находится тур), не дальше, вот этого, говорит. И, говорю, ты будешь стрелять в него, он не был большим туром, мелкий какой-то, а я вон черного козла видишь, большой козел, в него выстрелю дальше, и, говорю, свою ногу на мою ногу поставь, и когда я нажму на твою ногу, ты тоже (стреляй). И выстрелили, и мой козел упал, а я спасся. Зачем стреляли (именно в них), там зверей, туров…, ущелье было полно зверей. Вот не дар это, или что?» (НА СОИГСИ. Д. 657. Л.41. Исп. Байсангуров М. (1931 г.р.), родом из с. Думта, 05.07.2000 г. в с. Думта, зап. Сокаева Д., Таказов Ф., уал. г., перевод Д. Сокаевой) [3].

Во сне фигурирует образ реальной женщины, Даны, знакомой рассказчика. Она может быть коррелятом богини лесов и охоты, посылающей удачу – конкретную добычу – охотнику. Кроме того, в тексте фигурирует старик, говорящий по-русски, данный в ключе покровителя лесов: он не разрешает рубить живой лес, а только сухостой. В случае со стариком «растительный» код переводится в «зооморфный» через объяснение своего сна рассказчиком. В случае со знакомой Даной, тоже явившейся рассказчику во сне, «антропоморфный» код переводится в «зооморфный» также через объяснение своего сна рассказчиком. Старик, разговаривающий по-русски, и Дана являются персонажами, знающими информацию относительно области охоты, власть над которой имеет Авсати.

Сравнение двух текстов, моменты фиксации которых разделяет столетие, выявляет «внутренние» черты существования во времени осетинской охотничьей мифологии. Первый вывод, который напрашивается, это то, что мотивы осетинской охотничьей мифологии воспроизводятся, в частности мотив женщины, покровительницы лесов и охоты. Смежность темы «лес» и темы «охота» проявляется в тексте № 2 в связи с функционированием в нем образа покровителя леса мужского рода.

Сравнение текстов несказочной прозы с текстами волшебных сказок показало, что завязкой подавляющего большинства вариантов сюжета *449A ATU «Царская собака» является мотив чудесного оленя/лани. Анализ текстов осетинской несказочной прозы и текстов других жанров ОФ позволит детальнее отразить особенности существования охотничьей мифологии осетин в динамике.

Список литературы

1. Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М., 1976.– 360 с.

2. Ирон аргъаутта / сост. А. Бязыровым, Сталинир, 1959. – Т.1. (Осетинские народные сказки) (Б-1).– 720 с.

3. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ).

4. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Чибиров Л.А. Цхинвали: Ирыстон. Книга 4, 1989. – 413 с.

5. Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок (по системе Аарне-Андреева). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004. – 106 с.

6. Хуссар Ирыстоны адамон уацмыста, 3 том: Сказки, пословицы и др. Предисл. и прим. А. Тибилова. – Цхинвал: Изд-во «Хурзарин», 1931 (ХИАУ). – 250 с.

7. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Anfti Aarne and Stitft Thompson by Hans–Jorg Uther. Part 1–3. Helsinki, 2004 (FF Communications. Vol. CXXXIH. № 284–286) (ATU).

References

1. Virsaladze E.B. Gruzinskij ohotnichij mif i pojezija, M., 1976. 360 p.

2. Iron argautta./ Sost. A. Bjazyrovym, Stalinir, 1959. T.1. (Osetinskie narodnye skazki) (B-1). 720 p.

3. Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij (NA SOIGSI).

4. Periodicheskaja pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinah / Sost. Chibirov L.A. Chinvali: Iryston. Kniga 4, 1989. 413 p.

5. Sokaeva D.V. Ukazatel' osetinskih volshebnyh skazok (po sisteme Aarne-Andreeva). Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2004. 106 p.

6. Hussar Irystony adamon uacmysta, 3 tom: Skazki, poslovicy i dr. Predisl. i prim. A. Tibilova, Chinval: Izd-vo «Hurzarin», 1931 (HIAU) 250 p.

7. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Anfti Aarne and Stitft Thompson by Hans–Jorg Uther. Part 1–3. Helsinki, 2004 (FF Communications. Vol. CXXXIH. no. 284–286) (ATU).

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинской литературы и фольклора, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А, г. Владикавказ;

Парсиева Л.К., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 11.04.2014.